

ФИЛОСОФ В ГОРОДЕ: АВТОБИОГРАФИЯ МЕСТА

Статья 1. Михаил Бахтин

С. А. Смирнов

Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук, Россия
smirnoff1955@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках исполнения проекта
«Философская автобиография как метод антропологической навигации»
при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 19-011-00124)

Этой работой начинается серия статей, в которых автор ставит проблему связи жизни и биографии философа с жизнью и биографией города. Через выявление событийных связей между биографией конкретного человека-философа и мест в городах, в которых проходила эта жизнь, автор предлагает рассмотреть следующий вопрос: как делается, как формируется *автобиография места*. Автор рассматривает специфику философских автобиографий через призму биографии города. В статье предлагается рабочая модель реконструкции места обитания автора. Схема реконструкции заключается в попытке восстановления места обитания автора и событий его жизни с помощью выделения слоёв, состоящих из так называемых «единиц» и «организованностей». Единцами реконструкции выступают артефакты (вещи, предметы, материальные объекты, результаты деятельности), знаки (тексты, знаковые структуры), ценности и смыслы, события и действия. Артефакты формируют такую организованность, как городские инфраструктуры. Знаки формируют город-текст. Ценности и смыслы формируют память города. Из событий и действий складывается повседневная жизнь в городе. У каждого автора в итоге формируется своя траектория жизни, его автобиография, состоящая из этих единиц, которые затем исследователи восстанавливают и реконструируют. Каждая конкретная биография конкретного философа будет рассматриваться на языке предложенного конструкта. В данной статье анализируется биография М. М. Бахтина. Показано, что источники биографии Бахтина (артефакты, тексты и др.) весьма скудны. Тексты отрывочны и не полны. События и действия скрыты и трудно восстанавливаемы. Ценности и смыслы, разумеется, приходится реконструировать. В результате Бахтин как автор подтверждает своей биографией собственный тезис о вненаходимости и неокончателности мысли и действия автора. Сам философ всячески стремился как бы исчезнуть с географической карты территории проживания, заставляя исследователей больше заниматься интерпретацией и реконструкцией жизни автора, нежели анализом реальных фактов его жизни. Вместе с тем, даже исчезающая событийная точка, какой для

последующих исследователей является Бахтин как автор, ярко показывает несовпадение его с самим собой и авторефлексивный, событийный характер автобиографии философа в принципе.

Ключевые слова: автобиография, философская автобиография, визуализация памяти, город, место, артефакт, событие, текст города.

PHILOSOPHER IN THE CITY: AUTOBIOGRAPHY OF THE PLACE

Article 1. Mikhail Bakhtin

Sergei Smirnov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of Russian Academy of Science, Russia
smirnoff1955@yandex.ru

A series of articles in which the author poses the problem of the connection between the life and the biography of the philosopher with the life and biography of the city begins with this work. Through the identification of event links between the biography of a particular philosopher's person and the places in the cities in which his life took place, the author proposes to examine the problem of how the place's autobiography is formed. The author considers the specifics of philosophical autobiographies through the prism of the biography of the city. The article proposes a working model for the reconstruction of the author's habitat. The reconstruction scheme is in an attempt to restore the author's habitat and events of his life by highlighting layers consisting of so-called "units" and "organizations". Units of reconstruction are artifacts (things, objects, material objects, results of activity), signs (texts, symbolic structures), values and meanings, events and actions. Artifacts form such organization as urban infrastructures. Signs form a city text. Values and meanings form the memory of the city. Events and actions constitute everyday life in the city. Each author, as a result, creates his own trajectory of life, his autobiography, consisting of these units, which are then restored and reconstructed by researchers. Each specific biography of a particular philosopher will be considered in the language of the proposed construct. This article discusses the biography of M. M. Bakhtin. It is shown that the sources of Bakhtin's biography (artifacts, texts, etc.) are very scarce. The texts are fragmentary and incomplete. Events and actions are hidden and difficult to recover. Values and meanings, of course, have to be reconstructed. As a result, Bakhtin, as an author, confirms with his biography his own thesis about the *outsidedness* and *unfinalizability* of the author's thoughts and actions. The philosopher himself tried in every possible way to disappear from the geographical map of the territory of residence, forcing researchers to engage more in the interpretation and reconstruction of the author's life than in analyzing the real facts of his life. At the same time,

even the disappearing event point, which Bakhtin as an author is for subsequent researchers, clearly shows his discrepancy with himself and also the auto-reflective, event-related nature of the philosophers' autobiography in principle.

Keywords: autobiography, philosophical autobiography, memory visualization, city, place, artifact, event, city text.

DOI 10.23951/2312-7899-2019-3-43-61

Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря
Иосиф Бродский

Топос философа

В одной из своих работ Георг Зиммель тонко замечает: город производит одиночество, он дарит человеку возможность быть одиноким [Зиммель 2002, 5–6]. Несмотря на насыщенность и концентрацию жизни в городе, человек получает в нём не только свободу («воздух города делает человека свободным»¹), но и одиночество, то есть возможность побыть наедине с самим собой и найти-таки самого себя. Это происходит постольку, поскольку иные, негородские социальные формы совместной жизни не давали возможности этого делать: общинность, соборность, родовые традиции, семейные и клановые узы не позволяли человеку быть и жить наедине с собой. Современный автор вторит Зиммелю: «Город – это уникальная культурная лаборатория, которая позволяет человеку быть одному» [Куренной 2017, 19].

При создании Берлинского университета Вильгельм фон Гумбольдт зафиксировал два ключевых принципа, необходимых к выполнению при организации жизни его обитателей – студентов и профессуры: «Поскольку эти учреждения (университеты – С. С.) могут достигнуть своей цели только в том случае, если каждое из них по мере возможности будет сопрягаться с идеей науки, то *удединение и свобода* суть господствующие в их стенах принципы» [цит. по: Шельски 2013, 67]. Приблизительно так формулируется фундаментальный принцип городской жизни: уединение и свобода частного

---

¹ Этот принцип был выработан ещё в Средние века. Крестьянин, убежавший от феодала в город и проживший там один год и один день, становился лично свободным в случае, если его хозяин-феодал не доказал своё право на него и не вернул его насильно.

лица, занимающегося науками и искусствами, но при концентрации разнообразной коллективной деятельности *в одном месте*. Университет, будучи культурным аналогом города (особенно с того времени, когда стали создаваться университетские кампусы), создаёт для горожанина условия, при которых он может себе позволить, трудясь в большом коллективе, свободно жить и думать в уединении. Этот принцип отражает собой парадокс городской жизни в целом: город, с одной стороны, будучи коллективным общежитием, с другой стороны, создаёт для частного лица возможность существовать отдельно и мыслить уединённо.

Данный парадокс тесно сопряжён с условиями жизни и творчества философа, по определению – *частного* мыслителя. В его распоряжении находится главное – его собственная способность мышления, его личность. По большому счёту, ему нужен всего лишь стол, чистые листы бумаги, инструмент для письма и он сам со своей возможностью распоряжаться собой, будучи в уединении и пребывая в свободе. И тогда есть шанс на то, что ещё «минута, и стихи свободно потекут»². А потому топос философа, по большому счёту, не имеет географических признаков и привязок. «Дух веет, где хочет» (Ин 3:8). Более того, именно философы и поэты делают биографию местам, в которых жили и творили. А далее эти места делают биографию их потомкам. Иосиф Бродский написал однажды, что русская литература возникла с появлением Петербурга. Город породил великую русскую литературу, породил петербургский текст. А далее в самом тексте отзеркаливает уже и сам город. Город и Философ ведут друг с другом долгую беседу. Город (место) и Мысль философа отзеркаливают друг друга, и потому мы имеем феномен биографии и автобиографии автора и его места обитания.

Отечественная история показывает, что высылка, отъезд, ссылка, изгнание поэта и философа из культурной и политической столицы потом весьма благоприятно (несмотря на трудности быта) сказывается на творчестве изгнанных и на биографии тех мест, куда они оказались сосланы или вынуждены были уехать. Сначала человек осмеливается сказать своё авторское Слово. За это власть его наказывает и тем самым делает ему биографию. Так было со времён Чаадаева и воплотилось в судьбе Бродского. Но коль скоро ссылки и изгнания распространяются, как правило, на политические провинции и края империй, то мы в итоге потом узнаём про малоизвестные городки и деревни, в которых, казалось бы, и не могло ничего произойти. А тут вдруг...

² А. С. Пушкин, *Осень*.

Судьба многих философов и поэтов в XX веке была связана с местами, которые до их появления там мало кому что говорили. Невель, Витебск, Кустанай, Саранск, Савёлово, Кимры... Городки и поселения, которые не были ранее интеллектуальными, философскими столицами, становились потом местами памяти, наполненными смыслом новых событий. Понятно также, что они становятся такими лишь после ухода мыслителей и поэтов, когда-то там живших или часто бывавших...

Проследим за пространственными траекториями и местами жизни конкретных авторов, не претендуя на подробный рассказ об их творческой биографии и не анализируя их интеллектуальное наследие³. Нас в данном случае интересуют такие событийные связи: философ и город; философ и место его обитания; мыследействие философа или поэта и то, как оно отозвалось на судьбе и биографии города, того места, где он жил, бывал, творил. Ограничимся при этом в своём кратком обзоре отечественными авторами, родившимися в Империи.

Михаил Бахтин. Под несвободным небом...

Известно, что фактически биография М. М. Бахтина прошла по отечественной провинции, фактически, по краям империи. Несколько лет вместе с семьёй он жил на окраине империи в Одессе. Затем несколько лет в Санкт-Петербурге, вместе с братом обучаясь в университете⁴. Затем – несколько лет жизни в Невеле, Витебске. Затем снова несколько лет в Ленинграде. И дальше – по городам и весям: Кустанай, Кимры, Саранск. И уже потом, много позже, в конце жизни – в Москве (хотя Москву он не любил), до самой смерти.

Жизни философа началась в Невеле⁵, уездном городе Витебской губернии. Здесь с лета 1918 живёт Бахтин, уехавший из Питера,

---

³ Оставим это другим авторам и отошлём читателя к другим работам [Аванесов 2017; Беседы 1996; Бочаров 2010; Коровашко 2017; Конкин, Конкина 1993; Паньков 2010; Смирнов 2016; Смирнов 2017].

⁴ Вопрос, был ли действительно Михаил Бахтин студентом Новороссийского императорского университета в Одессе, а потом в Санкт-Петербурге, требует отдельного обсуждения. Известно, что студентом был его брат Николай. Этому есть документальные подтверждения. А вот Михаил, судя по всему, был вольным слушателем. Официальных документов, подтверждающих его учёбу, специалисты не нашли [Паньков 1993; Конкин, Конкина 1993]. Более того, сам М. М. Бахтин позже в своих воспоминаниях подбрасывал будущим биографам ложные данные, выдавая за факты своей биографии эпизоды из жизни брата Николая. Он буквально сочинял свою биографию.

⁵ Начало можно, конечно, полагать и раньше, в Одессе, где-то с 1911 года (семья Бахтиных переехала из Вильно), или в Петербурге с 1916 года, куда Михаил вслед за братом вместе

спасаясь, как и многие другие питерцы, от голода и войны. Он много позже признавался: есть в столице было нечего, а за городом была возможность прокормиться, огород спасал.

Вдобавок, там уже жил его друг Л. В. Пумпянский, демобилизовавшийся из армии. Там он остался и позвал Бахтина: «Он меня уговорил поехать туда в Невель к нему, там можно было и заработать, и там питания сколько угодно» [Дувакин 1996, 134]. Самое голодное время там и пересидел. Там Бахтин (заметим, без диплома) преподавал в Невельской трудовой школе историю, социологию (!), русский язык⁶.

Параллельно, как это и полагалось по тем временам, в Невеле шла кипучая публичная жизнь. И Бахтин, всю жизнь карнавально скрывавшийся под масками, здесь был весьма активен и даже занимал разные общественные должности, став председателем Невельской научной ассоциации. А ему было всего 23–24 года. На удивление, он был частым и активным диспутантом. Тогда были модными литературные и философские диспуты на разные, особенно богословские, темы («Бог и социализм», «О смысле жизни», «О смысле любви» и др.). Поскольку время было буйно-революционным, эти диспуты носили характер одновременно пропагандистской работы, а также некоего театрального зрелища, на котором царили боги-трибуны. Вот, например, диспут «Бог и социализм», на котором выступали друзья Бахтин и Пумпянский. Слушателей было 600 человек! Диспут шёл весь вечер и закончился в 2 часа ночи [Максимовская 1995, 100]. Насколько серьёзным было участие в таких действиях для Бахтина? Или это была его очередная маска?

с семьёй переезжает из Одессы. Петербург становится Петроградом с 1914 года. Но Бахтин с Дувакиным называют в своих разговорах университет Петербургским. Смена имени места не меняет память места. Там с этого времени начал работать кружок «Омфалос» («пуп» земли), духовным лидером которого был старший брат Николай. Это был «кружок друзей типа, скажем, кружка пушкинских лицеистов» [Дувакин 1996, 50]. Правда, Бахтин путается в датах, говоря, что ещё в 1912 был организован кружок, и организовал его брат Николай. Но они в этом году были ещё в Одессе.

⁶ М. М. Бахтин не имел не только диплома об окончании университета (он даже не значится ни в одном из списков студентов Новороссийского и Петроградского университетов, а Николай значится, сохранилось его личное дело), но даже не имел аттестата об окончании гимназии. По причине, скорее всего, болезни (остеомиелит с 10 лет) он не мог систематически заниматься в школе, дважды оставался на второй год и в итоге просто не стал сдавать экзамен в гимназии в Одессе. Никаких архивных документов о жизни и учёбе М. М. Бахтина ни в Одессе, ни в Петербурге с 1912 по 1918 г. исследователи не обнаружили. Наш герой появляется только в 1918 году уже в Невеле. Как будто сознательно, Бахтин вымарывал куски биографии из своей жизни [Лаптун 1993; Паньков 1993]. Даже дом в Одессе, где жила семья Бахтиных, не сохранился.

Ил. 1 Двор в Одессе. Перекрёсток улиц Спиридоновская и Ниженская.
Место, на котором когда-то стоял дом, в котором жила семья Бахтиных в 1911–1916 гг.
По легендам, часть дома сохранилась, но подтверждений нет. Дома нет. Место есть.
Фото: С. А. Смирнов, 2017

Ил. 2. Здание Одесского национального университета
(бывший Новороссийский императорский университет).
Фото: С. А. Смирнов, 2017

В Невеле зарождался «круг Бахтина». Он начинался как клуб мыслителей. Клубом и оставался. Сидели дома, у самовара («крепкий чай и разговоры до утра»). Они собирались, обсуждали Канта и кантианцев. Здесь рождались его первые сочинения. Они оседали в рукописях, набросках, черновиках, о которых сам автор потом забывал. Чудом и не полностью сохранились его рукописи «К философии поступка», «Автор и герой...», которые были случайно найдены его новыми друзьями (С. Г. Бочаров и др.) в 1971 году в чулане квартиры в Саранске. Бахтин тогда сильно удивился, когда про найденные рукописи ему рассказывал С. Г. Бочаров на их встрече: «Я и не знал, что она сохранилась. Да, это моя философская антропология» [Бахтин 2003, 351].

Ил. 3. М. М. Бахтин. Невель. 1919 г. Неужели это он, тот самый?

Иллюстрация к феномену «человек у зеркала».

Витебская энциклопедия: http://www.evitebsk.com/w/images/d/d6/Mikhail_Bakhtin.jpg

Краеведы вспоминают о жизни «круга Бахтина» сначала в Невеле, потом в Витебске. О знакомстве и дружбе М. М. Бахтина,

Л. В. Пумпянского, М. В. Юдиной, М. И. Кагана⁷ (уроженцы Невеля), П. Н. Волошинова, В. Н. Медведева. Уже в Невеле Бахтин читает лекции по Канту и кантианцам⁸. Частным образом, на дому.

Здесь рождается очередная тайна и загадка Бахтина-автора – проблема авторства его так называемых «девтороканонических» (по выражению С. С. Аверинцева) текстов, вышедших под именами его друзей (см. подр.: Бочаров 2010; Иванов 1995; Медведев 1995; Медведев 2000; Медведев 2008; Пешков 2000). Везде Бахтин как бы оставляет свой след-знак, но он потом улетучивается, оставляя дымку воспоминаний современников и свидетелей. А в конце жизни в разговорах с Дувакиным, Бочаровым и другими собеседниками возникают разные версии, интерпретации, догадки, реконструкции, фактические нестыковки и лакуны⁹.

Кроме лекций и вечерне-ночных посиделок были прогулки. Они с М. В. Юдиной и другими друзьями часто гуляли вдоль озера Невель, они его называли озером «Нравственной реальности» [Дувакин 1996, 237].

Дальше, с 1920 года был Витебск. Круг Бахтина продолжается. Меняется состав, приходят новые собеседники. Бахтин и там преподаёт (в Народной консерватории и музыкальном техникуме) – эстетику, литературу, философию музыки. В Витебске «в то время был расцвет культуры» [Дувакин 1996, 135]. Многие ленинградцы от голода переселились туда.

Затем, в 1924 году – переезд в Ленинград. Война закончилась. Начался НЭП. Там он вместе с женой живёт по квартирам друзей и родственников. Своего жилья нет. Кружок продолжает собираться и здесь. Бахтин читает лекции и выступает с докладами на квартире, лёжа в постели из-за постоянных приступов остеомиелита. Опять кружок. Опять квартирник. И так же читает лекции по Канту.

В Ленинграде Бахтин живёт вплоть до ареста в декабре 1928 года и обвинения в участии в деятельности кружка А. А. Мейера. Но

---

⁷ Удивительно, но именно в это время в Невеле надо было встретиться двум неокантианцам: Бахтину, случайно приехавшему туда по приглашению своего друга Пумпянского, и М. И. Кагану, ученику Г. Когена и П. Наторпа, обучавшемуся у них в самом Марбурге, уроженцу Невеля, вернувшемуся в родной город в 1918 году [Каган 1995; Каган 2004]. М. И. Каган вспоминает: «Вернулся в Россию в 1917-ом году в качестве обменного пленного» [Каган 2004, 23]. Про Невель 1918 года и кантовский семинар в своих автобиографиях он не написал ни слова [Каган 2004, 23–29]! А вот его дочь оставила об этом воспоминания [Каган 1995].

⁸ Сам М. М. Бахтин вспоминал: «Главное внимание я в своих лекциях обращал на Канта и кантианство. Я это считал центральным в философии. Неокантианство <...> это прежде всего, конечно, Герман Коген, Рикерт, Наторп, Кассирер» [Дувакин 1996, 230]. Этот «домашний философский семинар современники называли “кантовским”» [Каган 1995].

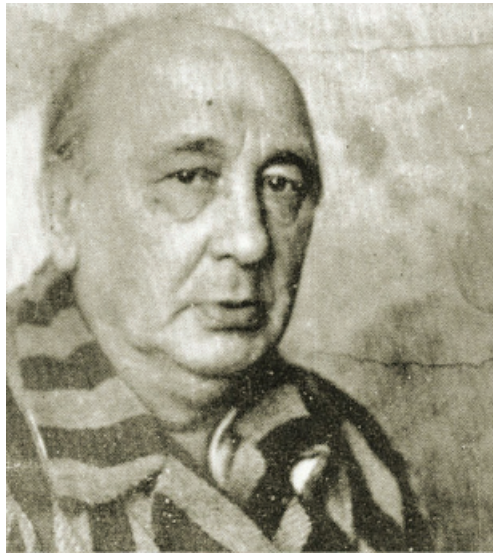
⁹ При этом мы располагаем по большей части свидетельствами, рассказами, воспоминаниями, но не документами, не доказательствами.

стараниями друзей пятилетний приговор в ИТЛ на Соловках заменён высылкой в Кустанай. Там, в Кустанае он работал экономистом в райпотребсоюзе. Бахтин-экономист. Ещё одна маска. Пишет статью «Опыт изучения спроса колхозников» для журнала «Советская торговля». Ну, чистый карнавал! В Кустанае живёт до 1936 года.

В 1937–1938 гг. Бахтин живёт в городке Савёлово. Наездами бывает в Москве, живя у сестры. Затем, в 40-е годы – всю войну до сентября 1945-го – в деревне, а потом в г. Кимры. Работает учителем в средней школе. Преподаёт русский язык, литературу и немецкий язык. Заметим, опять без диплома, теперь уже – учителя немецкого языка и учителя литературы и русского.

В сентябре 1945 г. Бахтин переезжает в Саранск и работает там в Мордовском педагогическом институте (с 1958 – университет).

В ноябре 1960 г. он получает письмо от молодых московских филологов, открывших для себя Бахтина¹⁰. Он, оказывается, жив! Они к нему приезжают. Встречаются. Его трудно узнать. Это тот самый? Вот мы видим его в какой-то больничной пижаме. Когда я показываю это фото своим коллегам, они не могут узнать его. Автор не узнаваем. Мы привыкли к другому образу, другому лицу. Карнавал продолжается. Но с гримасой на лице.

Ил. 4. М. М. Бахтин. Саранск. 1969 г.
Фото: из личного архива В. Б. Естифеевой

¹⁰ Письмо написано В. В. Кожиновым, подписано им, С. Г. Бочаровым, Г. Д. Гачевым, П. В. Палиевским, В. Д. Сквозниковым (опубликовано в: Паньков 2010, 486–488; там же опубликована переписка Бахтина с В. В. Кожиновым и В. Н. Турбиным).

С 1972 года, благодаря опять же стараниям новых друзей, Бахтин переезжает в Москву и живёт там уже до смерти в 1975 году.

Странное сочетание приключений, путешествий по городам и весям (при том, что он был инвалид, ногу ампутировали ему в 1938 году) – и оседлости, то есть глубинности и неискоренимости основных мыслей. То, что было сказано впервые в Невеле в 1919 году в работе «Искусство и ответственность», далее в Витебске, в «Философии поступка и «Авторе и герое...», далее – в сочинении «К философским основам гуманитарных наук» в конце 30-х – начале 40-х, далее в 1974, в работе «К методологии гуманитарных наук», – во всех текстах сохраняются опорные точки-реперы, мысли об ответственности поступающей личности, не-алиби в бытии, проблеме автора и произведения, о речевом высказывании, не сводимом к тексту и т. д., и т. д.

При этом рукописи пропадали. Пропала работа «О романе воспитания», она ушла в дым. Один экземпляр рукописи был раскурен на самокрутки, другой оказался утерян в редакции издательства во время войны. А те рукописи, что находились, представляют собой отрывки, черновики, наброски, заметки. Как и в жизни, в мысли Бахтин как бы помечал знаки-следы, а потом будто сознательно исчезал. Исчезал буквально, физически. В том числе и как автор, отказываясь от своих текстов¹¹. Потому что последнее слово никогда не будет сказано...

Но что мы видим потом, после его смерти? Что остаётся от философа в городе? В Витебске, затем в Москве стараниями прежде всего Н. А. Панькова с 1992 года выходит сборник «Диалог. Карнавал. Хронотоп». Со смертью Панькова сборник фактически перестал издаваться. Остался, впрочем, архив журнала, размещённый на сайте. В 1995 году в Невеле на здании бывшей гимназии открыли мемориальную доску: «Здесь в 1918–1920 гг. работали философы М. М. Бахтин (1895–1975) и М. И. Каган (1989–1937)». В Орле в 2005 году открыли музей Бахтина. В Саранске в 2015 году воздвигли памятник, там же в Мордовском университете создан Центр Бахтина¹². На его здании также открыта мемориальная доска: «В этом

---

¹¹ См. отдельно дискуссии на тему авторства известных текстов в: Бочаров 2010; Иванов 1995; Медведев 1995; Медведев 2000; Медведев 2008; Пешков 2000.

¹² Впрочем, само по себе открывание музеев и мемориальных досок ни о чём не говорит. Кто-нибудь из любопытствующих может попытаться в Интернете найти сайты и какую-то информацию об этих центрах, музеях, сборниках, изданиях. И увидит, что сайта музея Бахтина в Орле просто нет. Есть всего-навсего разные путеводители для туристов, в которых говорится о разных музеях и достопримечательностях г. Орла. Вот, мол, и такой музей есть. Сайт центра Бахтина в Мордовском университете пустой. Ни событий, ни материалов.

здании с 1945 по 1961 годы работал выдающийся мыслитель XX века...».

В Санкт-Петербурге нет ни одного следа, ни одного знака. В Москве тоже.

Но такое ощущение, что эти (как бы) следы философа на теле городов, в которых он жил, абсолютно не адекватны происходящему. Они не адекватны прежде всего самому Автору. Что М. М. Бахтину эти доски?

Петербург созвучен А. Ахматовой, И. Бродскому. Это их город. Они – Город и Поэт – слышат друг друга. Между ними идёт переключка. Эта переключка осталась в стихах поэтов¹³. Голос Питера замер и в стихах О. Мандельштама (1935):

На мёртвых ресницах Исакий замёрз...

Голоса же Бахтина не слышно ни в одном городе, где он жил. Точнее, его голос, будучи сугубо событийным, то есть существующим в живом акте произнесения, жить может лишь в переключке с новыми голосами, голосами новых живых собеседников. Он не может жить в камне, в музее¹⁴.

Философ всячески старался быть незамеченным, стремясь к тому, чтобы его не трогали, оставили в покое и уединении (см. выше!), и прежде всего – в предельном покое: его доклад в Ленинграде так и назывался – «Проблема обоснованного покоя» (о котором мы знаем опять же по записям не его самого, а его друга Л. В. Пумпянского) [Бахтин 2003, 328–330]. Только уединение и свобода сопровождали мыслителя. И лишь он сам мог честно подвести итог своей жизни, жизни под несвободным небом, но в стремлении эту свободу личности сохранить: «Всё, что было создано за эти полвека на этой безблагодатной почве под этим несвободным небом, всё в той или иной степени порочно <...>. Мы ведь всё предали – родину, культуру». «А как можно было не предать?» – спросил его С. Г. Бочаров. «Погибнуть», – ответил мыслитель [Бочаров 2010, 50, 69].

Он не погиб. Хотя всяческие маски и прикрытия создавали ощущение забвения и забытья, сознательного ухода. Недаром москов-

¹³ Добавим, что Санкт-Петербург давно стал самостоятельным метафизическим героем и литературным персонажем в мировой культуре – Петербург Пушкина, Гоголя, Достоевского, Андрея Белого, Бродского и др. [Лотман 1996; Морева 1993].

¹⁴ Хотя в Москве на ул. Красноармейской, д. 21, кв. 42 должен быть знак, говорящий о том, что здесь жил и умер М. М. Бахтин. Эта квартира была последним местом-приютом его земной жизни. Пока же в Москве осталось только одно его место – могила его и его жены на Введенском кладбище.

ские филологи удивились тому, что он оказался жив в 1960 году. Но это был уход в свой храм, свой монастырь в миру.

Думаю, такая карнавализация жизни была сознательной и вполне даже продуманной жизненной стратегией мыслителя. Ведь «и Евангелие – карнавал» – заговорщицки, как вспоминал В. Н. Турбин, шепнул ему Бахтин в одной из бесед [Турбин 1995, 235]. Евангельский опыт мыслитель хранил в себе, оберегал, выстраивая свой монастырь в миру, «храм нерукотворённый». Впрочем... Здесь как раз и обозначается разрыв и конфликт жизни философа и жизни его мысли: «У меня на мистирию жизни не хватило», – заметил философ в беседе с Уваровой-Даниель [Уварова-Даниель 2012]. Г. Д. Гачев допустил, что фактически его «книга о Достоевском» – это как бы скрытая форма молитвы, «религиозный трактат», в котором в роли Бога выступает Автор. Это скрытая, тёмная форма богообщения, в которой «личность, человек, его отношение к Богу решаются через анализ проблематики автора и героя, через полилог разных сознаний» [Гачев 1993, 106]¹⁵. Когда Гачев обратился за советом к Бахтину по поводу своей новой работы, посвящённой проблематике совести, Бахтин его и спросил: «А на что вы обопрёте совесть? Для меня такой опорой – Бог» [Гачев 1993, 107]. А сам Бахтин для молодых литераторов выступал как «живая церковь», признавался Гачев.

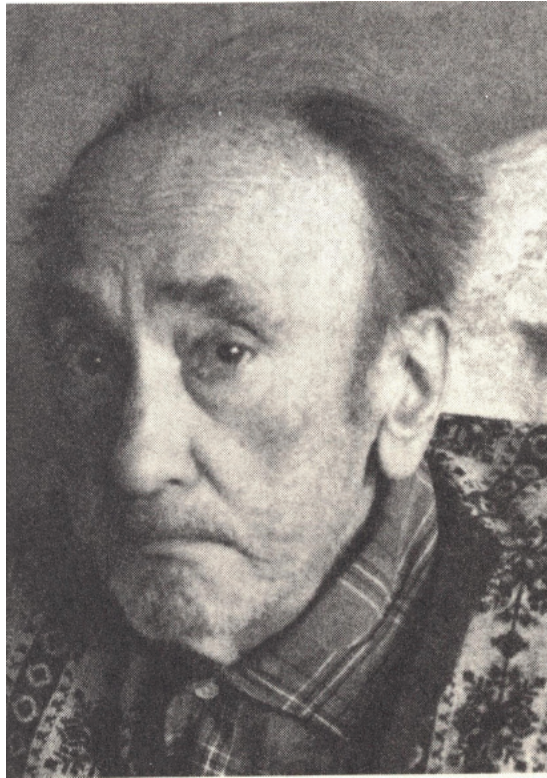
Храм как сакральное начало, с которого начинается всякий Город, Бахтин носил в себе. Потому ему и было неважно, где географически жить. Потому что «Крест и молитва, это самое главное», как сообщил он Турбину в конце жизни [Турбин 1995, 237]. Географически и антропологически «вненаходимый» Бахтин как Автор осмыслял и строил свою автобиографию в Большом разговоре с другими Авторами – Кантом, Гёте, Рабле, Достоевским, неокантинцами, Киркегором и Ницше, сжигая себя, ветхого, физически, уходя как святой в житие в Боге¹⁶.

---

¹⁵ Бога в этой работе не заметил даже А. Ф. Лосев. Впрочем, последний её не успел прочитать. Он её смог разве что обсудить, да и то в условиях лагеря. Один из осуждённых по делу кружка «Воскресенье» (как и Бахтин) историк и краевед Н. П. Андиферов, отбывавший срок вместе с Лосевым на Беломорканале, вспоминал об одном эпизоде. Тогда режим ещё позволял зекам устраивать кружки и обсуждения книг. Там у них был свой кружок «друзей книги». На одном из заседаний зеки обсуждали книгу Бахтина о Достоевском. Лосев при обсуждении воскликнул: «Разве можно говорить и писать о Достоевском, исключив Христа!» [Лосев, Лосева 2005, 198–199].

¹⁶ См. также об этом в интересном сборнике работ зарубежных авторов по проблематике философской автобиографии [Томэ и др. 2017].

Ил. 5. Бахтин в последний год жизни.
Фото: Р. Л. Джексона (титул книги: Morson, Emerson 1990)

Теперь попробуем посмотреть на историю Бахтина и города с определённого ракурса. Что мы видим? Представим город в виде конструкта, состоящего из нескольких культурных слоёв. Каждый раз тот или иной современник пытается заглянуть в историю города, которая закрыта для него не просто временем, а разными напластованиями.

Вот перед нами слой *артефактов* – зданий, сооружений, вещественных результатов деятельности людей, хранящих в себе культурную память. В повседневности автор живёт в мире этих артефактов¹⁷. Исследователя в этом плане интересуют прежде всего те

¹⁷ В действительности и сам мир артефактов многослойный, каждый культурный артефакт имеет слои, но он фактически повторяет культурные слои Города как большого культурного объекта-артефакта. Например, человека в городе окружают такие культурные формы, как Храм, Музей, Университет, Площадь, Дом, Библиотека, Улица, Мосты, Вокзалы и т. д. Каждая такая культурная форма имеет свою историю и свою биографию. Все они образуют Город. От полноты, разнообразия и связности этих форм зависит богатство Города. Но оставим это для другой работы.

артефакты, которые связаны с жизнью его героя. В данном случае – философа Бахтина. Где он жил? По каким улицам ходил? В каких домах, квартирах обитал, какими вещами пользовался? Какую одежду носил? Какие книги читал? За каким столом сидел? И что от этого всего осталось? Какие материальные следы этот человек оставил?

Но артефакты исследователь должен уметь читать. В таком случае перед ним находится второй слой – *город как текст*, разворачивающийся перед ним в виде некоей «семиосферы» (используем понятие Ю. М. Лотмана). При работе с этим слоем исследователь вскрывает семиотику города, пытаясь прочесть и проинтерпретировать разные тексты (имя города и его пространств и мест, значения мест, смысловые структуры мест обитания).

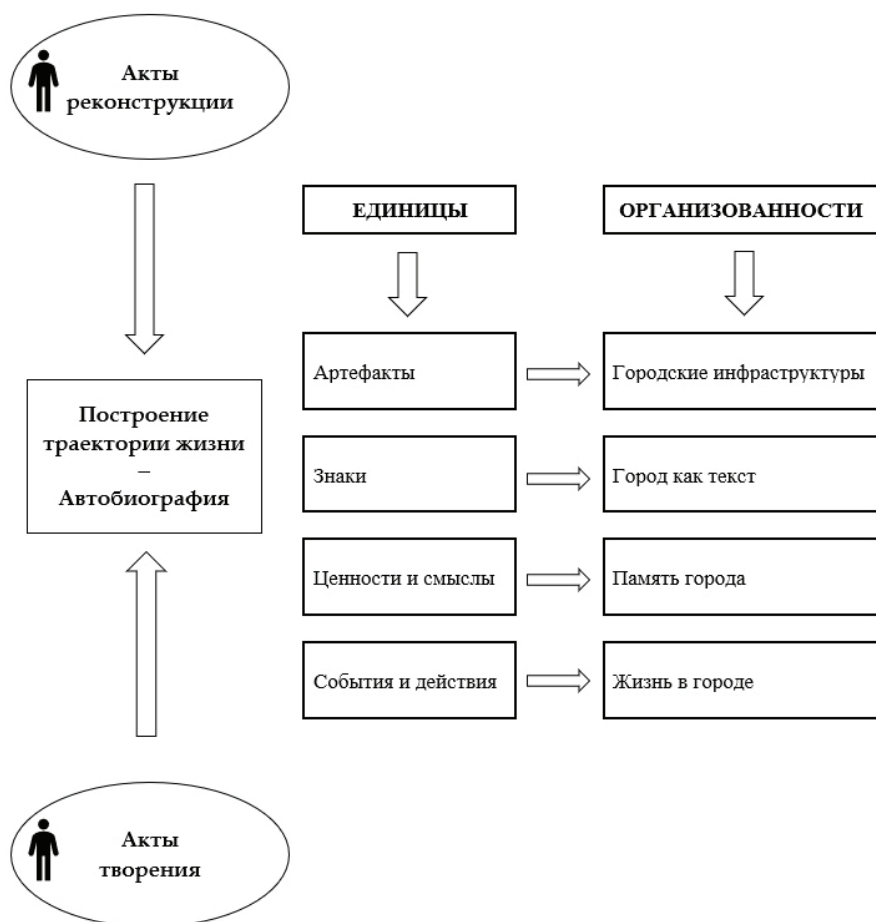
Далее при чтении-интерпретации городских текстов исследователь вынужден так или иначе вскрывать основания, *смысловые и ценностные* ориентиры тех людей, которые когда-то жили в этом городе, ходили по этим улицам. И тогда, вскрывая эти смыслы и ценностные ориентиры, исследователь вскрывает память города, которая хранится так или иначе в тексте и артефактах города.

Но вскрывая ценностно-смысловой слой, исследователь вынужден тем самым реконструировать слова и дела этих людей, их реальную жизнь в действиях и поступках, прошедшую когда-то жизнь в этом городе, состоящую так или иначе из реальных *событий*, из которых и выстраивается собственно реальная биография. По этим событиям каждый человек и вспоминает, что с ним реально происходило. По этому событийному ряду мы и восстанавливаем сам портрет, фигуру автора, творца этих событий.

Тогда акт исследования-реконструкции можно представить как встречное действие, стыковку встречных действий, идущих навстречу друг к другу – событийный акт, идущий от автора события, и действие-реконструкция, идущее от исследователя-реконструктора. При встрече этих действий и рождается собственно реконструкция *биографии места*, которая создавалась именно этим автором именно в этом городе.

Теперь посмотрим на ту реальную (реальность мы вынуждены всякий раз считать условной – она всё равно будет реальностью нашей мыслительной реконструкции) ситуацию, в какой оказывается исследователь, восстанавливая биографию Бахтина.

Мы видим, что слой артефактов крайне беден, крайне редок количеством артефактов.

Ил. 6. Реконструкция автобиографии места

Дальше так же плохо. Нам очень мало удаётся прочесть следов пребывания Бахтина в тех или иных городах. Они почти не сохранились. Перед нами почти стёртые (чуть ли не сознательно) тексты городских мест; мы не можем прочесть, например, текст «Петербург Бахтина». Или «Одесса Бахтина». Немного осталось от текста Саранска. И почти ничего не осталось про Кустанай, Савёлово. И почти нет бахтинской Москвы.

Человек как бы почти и не жил в реальном материальном пространстве и ничего в нём не записал, не оставил следов памяти.

А потому мы вынуждены реконструировать его жизнь по содержанию его собственных текстов (часто придуманному), по воспоминаниям.

нениям его современников, выдававших зачастую свои версии, говорящих больше о себе самих, нежели о своём герое.

Заключение

В итоге возникает вопрос: если биография человека и города складывается из событий, а события всегда связаны с конкретным значимым для жизни конкретного человека и города эпизодом, и если последний уже состоялся, то что происходит после него? Становишься ли ты сам звеном в той передаче эстафетной палочки-мысли? Или тебе остаётся лишь вспоминать те прошлые событийные для тебя эпизоды, в которых, однако, ты сам был просто зрителем? Готов ли ты сам быть творцом нового события, его автором, а значит автором собственной биографии, а через неё – и биографии твоего города?

В 2017 году мы с философом Ю. М. Резником проводили опрос-интервью среди отечественных философов по проблемам институционализации философии [Смирнов, Резник 2018]. Один из участников опроса, Ф. И. Гиренок, высылая свои ответы, в письме автору этих строк написал: «Мне кажется, центр философии переместился в Новосибирск»¹⁸. За этой шуткой стоит вызов. Делаю ли я что-то, чтобы мой голос зазвучал и моё место становилось событийным местом, точкой, пульсирующей на карте жизни? Или нам без разницы, где, что и как происходит, и каждый из нас становится странной экстерриториальной точкой, гуляющей по миру?

Отвечать придётся всю оставшуюся жизнь...

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2017 – Аванесов С. С. К вопросу о «человеческой» онтологии. Актуальность мысли М. М. Бахтина // Человек.RU. Гуманитарный альманах. 2017. № 12. С. 127–158.
- Бахтин 2003 – Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. Москва, 2003.

---

¹⁸ В 1995 году я познакомился с психологом и философом Б. Д. Элькониным, прямым продолжателем традиции школы Л. С. Выготского. Когда я стал ему высылавать свои работы, в которых обсуждаю идеи культурно-исторической психологии, он был сильно удивлён: Выготский? в Новосибирске? Откуда что берётся? Ему казалось, что в Новосибирске не существует и не могло существовать никаких событийных точек, связанных с именем Выготского. И тут вдруг! Ну, прямо как в сказке.

- Бочаров 2010 – *Бочаров С. Г.* Об одном разговоре и вокруг него // Михаил Михайлович Бахтин. Под ред. В. Л. Махлина. Москва, 2010. С. 47–79.
- Гачев 1993 – *Гачев Г. Д.* «Так, собственно, завязалась целая история...» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 1 (2). С. 105–108.
- Дувакин 1996 – Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. Москва, 1996.
- Зиммель 2002 – *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4.
- Иванов 1995 – *Иванов Вяч. Вс.* Об авторстве книг В. Н. Медведева и П. Н. Волошинова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 4. С. 133–137.
- Каган 1992 – *Каган Ю. М.* О старых бумагах из семейного архива // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 61–88.
- Каган 1995 – *Каган Ю. М.* Люди не нашего времени // Философские науки. 1995. № 1. С. 36–46.
- Каган 2004 – *Каган М. И.* О ходе истории. Москва, 2004.
- Кожин 1992 – Как пишутся труды, или Происхождение несозданного авантюрного романа. Вадим Кожин рассказывает о судьбе и личности М. М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 109–122.
- Конкин, Конкина 1993 – *Конкин С. С., Конкина Л. С.* Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск, 1993.
- Коровашко 2017 – *Коровашко А. В.* Михаил Бахтин. Москва, 2017.
- Куренной 2017 – *Куренной В.* Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города? Москва, 2017. С. 14–29.
- Лаптун 1993 – *Лаптун В. И.* К «Биографии М. М. Бахтина» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 1 (2). С. 67–73.
- Лосев, Лосева 2005 – *Лосев А. Ф., Лосева В. М.* «Радость на веки». Переписка лагерных времён. Москва, 2005.
- Лотман 1996 – *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва, 1996.
- Максимовская 1995 – *Максимовская Л. М.* К устным рассказам М. М. Бахтина о Невеле (комментарий краеведа) // Философские науки. 1995. № 1. С. 93–105.
- Медведев 1995 – *Медведев Ю. П.* Письмо в редакцию журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 4. С. 148–156.
- Медведев 2000 – *Медведев Ю.* Бахтин для бедных // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 1. С. 110–126.

- Медведев 2008 – *Медведев Ю. П., Медведев Д. А.* Труды и дни Круга М. М. Бахтина // Звезда. 2008. № 7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1015> (дата обращения: 11.01.2019).
- Морева 1993 – *Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1 / Отв. ред. Л. Морева.* Санкт-Петербург, 1993.
- Паньков 1993 – *Паньков Н. А.* Загадки раннего периода (ещё несколько штрихов к биографии М. М. Бахтина) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 1 (2). С. 74–89.
- Паньков 2010 – *Паньков Н. А.* Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. Москва, 2010.
- Пешков 2000 – *Пешков И.* Конец – «Делу» венец // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 1. С. 72–109.
- Смирнов 2016 – *Смирнов С. А.* Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск, 2016.
- Смирнов 2017 – *Смирнов С. А.* Философ и революция. К событийности биографий // Личность. Культура. Общество. 2017. Том XIX. Вып. 3–4 (№ 95–96). С. 121–130.
- Смирнов, Резник 2018 – *Философия как институт. Отечественная философия: люди, система идей, институты и сообщества. Экспертная дискуссия / Под. ред. С. А. Смирнова, Ю. М. Резника // Человек.RU. Гуманитарный альманах. 2018. № 13. С. 179–212.*
- Томэ и др. 2017 – *Томэ Д., Шмид У., Кауфман В.* Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография. Пер. с нем. М. Маяцкого. Москва, 2017.
- Турбин 1995 – *Турбин В. Н.* Из неопубликованного о М. М. Бахтине (1) // Философские науки. 1995. № 1. С. 235–246.
- Уварова-Даниэль 2012 – *Уварова-Даниэль И.* Немногое, что память сохранила. О Михаиле Михайловиче Бахтине // Звезда. 2012. 7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1858> (дата обращения: 11.01.2019).
- Шельски 2013 – *Шельски Г.* Уединение и свобода. К социальной идее немецкого университета // Логос. 2013. № 1 (91). С. 65–86.
- Morson, Emerson 1990 – *Morson G. S., Emerson C.* Mikhail Bakhtin. Creation of a Prosaics. Stanford, California. 1990.

Материал поступил в редакцию 19.01.2019